

Вскоре он с удивлением обнаружил, что, несмотря на состояние крайнего опьянения, его мужское достоинство гордо возвышалось, словно отдавая честь Нянь Сяоми.

Нянь Сяоми, разыгравшись, взял тонкую бамбуковую палочку и начал ею дразнить.

— Гага, настоящая злая птичка...

В это время Сяо Юн и Гу Юньфэн уже погрузили кувшины на телегу и направились обратно.

Янь Шубай внезапно подбежал с дальнего края поля, тяжело дыша.

— Вы... подождите меня, Сяо Юн... мне нужно с тобой поговорить.

Он, будучи ученым человеком, никогда не бегал так много, и теперь был настолько измотан, что лицо его побледнело, а худощавое тело казалось тонким, как лист бумаги, словно его могло унести ветром.

Сяо Юн, увидев, что он преградил дорогу, нахмурился:

— Мне некогда с тобой разговаривать! Ты еще не наслушался, как твоя семья шумит?

Гу Юньфэн, управлявший телегой, едва сдерживался, чтобы не спуститься и не отшвырнуть его в сторону.

Но Янь Шубай был упрям и продолжил следовать за телегой.

— Сяо Юн... можешь выслушать меня хоть раз? Хоть одно слово...

Сяо Юн холодно ответил:

— Я боюсь с тобой разговаривать, иначе твоя мать снова назовет меня лисом, который тебя соблазняет!

Гу Юньфэн нахмурился:

— Ты что, такой прилипчивый?

Янь Шубай не обратил на него внимания, а с глубоким чувством посмотрел на Сяо Юна:

— Сяо Юн, ты с ним не подходишь друг другу. Вы больше похожи на братьев. Ваши чувства возникли только из-за долгого одиночества, вы просто ухватились за первую возможность. На самом деле, мы с тобой больше подходим друг другу: ты сильный, а я слабый, мы дополняем друг друга...

Гу Юньфэн больше не мог сдерживаться, остановил телегу и, схватив кнут, уже собирался спуститься, но Сяо Юн крепко его удержал.

— Не слушай его глупости.

— Сяо Юн, я знаю, что ты расстроен из-за помолвки, но я уже отказался от нее. В семье теперь бардак, но я не жалею. Я готов ради тебя пойти в огонь и в воду, Нянь Сяо Юн, я только прошу тебя не игнорировать меня...

Почему-то, услышав эти слова, Сяо Юн почувствовал легкое волнение.

Но, вспомнив оскорбления его матери, он быстро взял себя в руки и холодно усмехнулся:

— Хорошо, я буду с тобой разговаривать.

Янь Шубай, услышав это, обрадовался:

— Так что мне нужно сделать, чтобы ты со мной разговаривал?

— Если ты сможешь достать для меня луну с неба, тогда я буду с тобой.

— Это... это невозможно! — Янь Шубай растерялся.

Сяо Юн рассмеялся:

— Если ты понимаешь, что это невозможно, тогда перестань цепляться. Готовься к провинциальному экзамену, стань чиновником, и больше не беспокой меня. Ты мне надоел, и я боюсь твоей матери, которая как тигрица!

Янь Шубай не понял сарказма в его словах, но почувствовал его отвращение.

Он не понимал, чем он хуже этого глупого здоровяка.

«Неужели я настолько плох?»

«Почему он так меня ненавидит?»

Думая об этом, он почувствовал глубокую печаль, и его глаза невольно наполнились слезами.

Сяо Юн удивился: неужели он плачет?

Янь Шубай быстро потер глаза:

— Ветер занес в глаза песчинку...

Сказав это, он больше ничего не добавил, развернулся и молча ушел, его силуэт казался одиноким и печальным.

Сяо Юн снова почувствовал сложное чувство, мысленно сказав себе:

«Если бы у тебя не было такой матери и такой семьи, возможно, мы...»

Он не был бесчувственным, он чувствовал изысканность и романтичность Янь Шубая. Тот часто сидел на краю поля, сочиняя для него стихи и надевая на него венки из цветов.

Он помнил, как однажды Янь Шубай протянул ему куриную ножку и сказал:

— Возьму твою руку и буду с тобой до старости!

Хотя он не понял значения этих слов, он запомнил их навсегда.

И все это Гу Юньфэн никогда не делал.

Они с Гу Юньфэном действительно были как братья, прямолинейные, без лишних нежностей.

Гу Юньфэн, видя, что Сяо Юн задумался, потянул его за руку и сказал:

— Сяо Юн, я знаю, что я грубый человек, не такой красноречивый, как он, но я могу сказать, что если ты выйдешь за меня, я буду относиться к тебе как к сокровищу, как Янь Мо относится к Сяоми...

Это были самые сладкие слова, которые Гу Юньфэн когда-либо произносил, и Сяо Юн, услышав их, почувствовал радость, забыв о Янь Шубае.

В доме Нянь царил мир, но в доме старосты только начинался хаос.

Главное, что у них уже не было времени приходить к Нянь Сяоми с претензиями.

Янь-ши плакала, кричала и угрожала самоубийством, доведя Янь Сюэли до предела, и он дал ей пощечину.

Янь-ши, с покрасневшей щекой, лежала на полу и рыдала.

Трое детей не знали, что делать.

С одной стороны, они жалели мать, с другой — в глубине души надеялись, что та девушка по имени Шуй войдет в их семью.

На третий день, в назначенный день встречи с Сюэ Южун, Янь Сюэли привел себя в порядок и отправился в город Хайчжоу.

Согласно договоренности, он не вошел в чайный дом, а намеренно подошел к закускойной напротив, купил миску вонтонов и, притворяясь, что ест, поднял глаза на противоположную сторону.

Вскоре он увидел Сюэ Южун, сидящую у окна.

Посмотрев на ее собеседницу, он почувствовал волнение.

Напротив Сюэ Южун сидела молодая женщина, лицо которой было подобно цветку лотоса, брови — как ивы; кожа белая и гладкая, как сгущенное молоко; маленькие губы, словно вишни, добавляли ей привлекательности; глаза были живыми, но с легкой озорностью.

Вся она была прекрасна, как белый нефрит, настоящая красавица!

Рука Янь Сюэли, державшая ложку, задрожала, а сердце загорелось пламенем.

Какая удача!

Сюэ Южун посмотрела на закускую за окном, убедившись, что он появился, и кивнула Шуй Жуяню.

Шуй Жуянь последовал за ее взглядом, но не почувствовал ничего особенного, ведь тот был достаточно стар, чтобы быть его отцом.

Но у него не было никаких навыков, и он не хотел возвращаться в публичный дом. У него было всего пять лянов серебра, которых не хватило бы на открытие собственного дела.

Ему было достаточно иметь место, где можно остановиться, тем более что он был старостой, и жизнь в будущем не будет плохой.

Он кивнул Сюэ Южун, а она, в свою очередь, кивнула Янь Сюэли.

Янь Сюэли ушел, чувствуя себя так, словно парил в облаках, в восторге.

Шуй Жуянь с некоторым беспокойством спросил:

— Но разве у него уже не есть жена? Сможет ли он полюбить... мужчину?

Сюэ Южун засмеялась:

— Вот почему я выбрала тебя. Ты должен устроить в его доме такой хаос, чтобы он развелся с этой женщиной, тогда твоя жизнь станет лучше. А насчет того, любит ли он мужчин, не беспокойся, просто делай то, что я тебе сказала...

Сказав это, она шепнула ему на ухо, и лицо Шуй Жуяня покраснело от смущения.

Сюэ Южун рассказывала ему о древних практиках отношений между мужчинами.

— Сестра Южун, откуда ты знаешь так много? — смущенно спросил Шуй Жуянь.

Сюэ Южун отмахнулась:

— Мой брат был любителем мужчин, да и на кирпичном заводе есть несколько мужиков, так что я кое-что узнала.

Шуй Жуянь улыбнулся:

— Хотя я год проработал в публичном доме, тот клиент был хорошим человеком, он никогда ко мне не прикасался. Жаль только...

Говоря это, его глаза наполнились слезами, вспоминая печальные события.

Сюэ Южун достала платок и вытерла его слезы:

— Ты все еще живешь у него?

Шуй Жуянь покачал головой и вздохнул:

— У него была жена, он только хотел взять меня в наложники. После его смерти жена выгнала меня... Сейчас я живу в гостинице.

— Это дорого и неудобно. Может, ты переедешь в мою деревню Хоуцунь, на кирпичный завод, будешь жить со мной! — Сюэ Южун взяла его за руку, полная сочувствия.

Шуй Жуянь, широко раскрыв глаза, кивнул.

— Сначала я займусь делами, а ты собери вещи в гостинице. После обеда встретимся здесь и обсудим дальнейшие планы.

— Спасибо, сестра. — Шуй Жуянь сладко улыбнулся.

После этого он отправился в гостиницу, чтобы рассчитаться, а затем прогулялся по городу в одиночестве.

Около полудня, проходя мимо одного из ресторанов, к нему обратился слуга:

— Госпожа, зайдете перекусить? У нас появились редкие диковинки, очень вкусные.

— Диковинки? — с любопытством спросил Шуй Жюань.

— Да, хотите зайти посмотреть?

Шуй Жюань кивнул и последовал за ним в кладовую рядом с задним двором.

Открыв дверь, он увидел несколько бамбуковых клеток, в которых сидели фазаны, зайцы, белки и даже павлин.

Из-за долгого заточения зайцы опустили уши, выглядели апатично; фазаны и павлин тоже были безжизненны.

Две белки прыгали в клетке, грызя бамбук, но не могли выбраться, обреченные стать пищей для посетителей.

<http://bllate.org/book/16653/1526082>